

Прийма Иван Федорович

БАХТИН И ЛУНАЧАРСКИЙ О ПУБЛИЦИСТИКЕ ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена вопросу критического осмысления публицистики Ф. М. Достоевского в XX в., особенно в такой малоизученный период, как 1920-е гг. Автор сосредотачивается на фигурах М. М. Бахтина и А. В. Луначарского, сравнивает подходы двух критиков и помещает их в общий контекст достоевведения XIX-XX вв. Близкое рассмотрение взглядов Бахтина на Достоевского-публициста позволяет выявить ранее не отмечавшуюся тенденцию в трактовке журналистской части наследия писателя, а также говорить о наиболее ранних преемниках известной бахтинской теории "полифоничность", чьи связи с Бахтиным пока не анализировались.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 29-32. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

22. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Наука, 1993. 592 с.

23. Ясперс К. Смысл и назначение истории / пер. с нем. М.: Республика, 1994. 527 с.

24. Fühmann F. Das mythische Element in der Literatur. Vortrag. Überarbeitete und erweiterte Fassung // Fühmann F. Erfahrungen und Widersprüche. Versuche über Literatur. Rostock: Hinstorff-Verlag, 1975. 223 S.

ALIENATION OF THE PERSONALITY IN THE NOVEL BY F. FUHMANN "PROMETHEUS. DIE TITANENSCHLACHT": PURPOSE, MEANS AND WAYS OF OVERCOMING

Ovcharova Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Skvortsova Mariya L'vovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University
alexis-1@yandex.ru; mskvor@mail.ru

The article examines the phenomenon of the personality's alienation in the society by the example of the novel of the little-known in the domestic literary criticism German author F. Fühmann "Prometheus. Die Titanenschlacht" (1974). The author emphasizes the relevance of this problem in the contemporary society and draws attention to the peculiarities of its realization in the image of the main character of the novel – Prometheus, which becomes possible through the analysis of the psychological component of the phenomenon of alienation. The work reveals the purposes of using the alienation effect in the novel, the expressive means that enable the writer to achieve his goals, as well as the ways to overcome the alienation of the personality in the society proposed by the writer.

Key words and phrases: alienation of personality; contradiction; deformation of power structures; manipulation; psychologism; observer's position; isolation.

УДК: 821.161.1

Статья посвящена вопросу критического осмысления публицистики Ф. М. Достоевского в XX в., особенно в такой малоизученный период, как 1920-е гг. Автор сосредотачивается на фигурах М. М. Бахтина и А. В. Луначарского, сравнивает подходы двух критиков и помещает их в общий контекст достоевствоведения XIX-XX вв. Близкое рассмотрение взглядов Бахтина на Достоевского-публициста позволяет выявить ранее не отмечавшуюся тенденцию в трактовке журналистской части наследия писателя, а также говорить о наиболее ранних приемниках известной бахтинской теории «полифоничность», чьи связи с Бахтиным пока не анализировались.

Ключевые слова и фразы: Достоевский; «Дневник писателя»; Бахтин; Луначарский; полифоничность.

Прийма Иван Федорович

Институт русской литературы РАН
priima-ivan@yandex.ru

БАХТИН И ЛУНАЧАРСКИЙ О ПУБЛИЦИСТИКЕ ДОСТОЕВСКОГО

Достоевствоведение первых лет советской власти до сих пор во многом «земля незнакомая», особенно в аспекте изучения публицистики писателя. В тяжелый идеологизированный период часть критиков Достоевского умалчивает (В. В. Розанов), часть отбывает за рубеж (Д. С. Мережковский, митр. Антоний Храповицкий, Н. А. Бердяев); из оставшихся не каждый берет на себя смелость анализировать такие произведения, как «Дневник писателя». Постепенно положение нормализуется, и Достоевский восстанавливает себя в правах. Но на первых порах осмысление развивается в русле, проложенном демократической критикой XIX в. (М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. К. Михайловский и др.), а также марксистской критикой.

Революционный подход дал о себе знать еще до революции. Так, М. Горький в 1905 г. выступил в большевистской прессе с заявлением, что «не знает более злых врагов жизни», чем Толстой и Достоевский, характеризуя Достоевского как «писателя-мещанина» (т.е. классового врага) и примиренца (идеологического врага). Обоих крупнейших русских писателей Горький обвинял в «преступной работе» – проповеди терпения и примирения [8, с. 388-389]. На фоне такого приговора даже клеимый Горьким Достоевскому ярлык «Злого гения» [9, с. 390] (восходящий к «Жестокому таланту» Михайловского) отходил на второй план. Судя по искажению текстов, которое заметно и в последующих выступлениях, Горький плохо знал публицистическое наследие Достоевского и такому вульгарному подходу остался верен до конца жизни [7, с. 401].

Более широкое осмысление демонстрирует А. В. Луначарский. Он лучше знаком с творчеством Достоевского-журналиста и в 1929 г. предлагает собственный генезис Православной идеи из «Дневника писателя»: «уже в силу этого «эпилептического» характера социальных переживаний и социального творчества Достоевского, религия должна была играть для него значительную роль. Однако такую роль могла сыграть всякая мистическая система. Достоевский остановился на православии» [15, с. 422]. По мысли Луначарского, своим церковным социализмом писатель пробовал заменить настоящий «идеал социализма», ту «социалистическую правду», которую когда-то отверг [Там же, с. 425-426]. В другой работе (1931 г.) Луначарский озвучивал более

тенденциозный подход, вероятно, с опорой на Горького и приписывал Достоевскому мещанство и толстовство. Клеймя класс «мещанства упадочного», Луначарский подчеркивал, что у этого класса «развертывается проповедь смирения, непротivления. Подобное мирозерцание пытался построить Достоевский из патриотической гордыни, провозгласившей Россию страной особого искупающего страдания, из христианства» [14, с. 432].

Здесь нельзя не отметить, что между *личностным смирением*, действительно проповедуемым в «Дневнике», и «непротivлением», которое ошибочно инкриминируют писателю Горький с Луначарским, лежит самый серьезный в русской литературе спор Достоевского с Л. Н. Толстым – и как раз по поводу активной борьбы со злом; в споре этом Достоевский впервые обличает то, что впоследствии назовут «толстовством» [11, т. 25, с. 221-223]¹. Вообще, «Дневник писателя» полон призывов к *протivлению злу насиллием* (освобождению православных славян от турецкого гнета) и подводит философскую базу под освободительную войну [Там же, т. 22, с. 122-126].

Наряду с осуждением, Луначарский предпринимает другую попытку – притянуть Достоевского к атеизму и революционному движению, чтобы тем самым нейтрализовать наиболее «опасные» его тезисы. Уже в 1921 г. критик заговаривает о «безмерном демонизме» Достоевского и о том, что «в свое христианство Достоевский внес максимум своеобразной революционности» [13, с. 238-240]. Не в силах отрицать очевидное, Луначарский пытается переформатировать его и обратиться на пользу новой власти: «великий искатель социальной гармонии, хотя бы через мистику, религию и христианство, Достоевский был еще и патриотом. <...> И в своей знаменитой речи о Пушкине Достоевский, следуя за некоторыми славянофилами, но с гораздо большей полнотой, провозгласил русский народ народом избранным» [Там же, с. 241]. Это предвидение, утверждает Луначарский, сбывается: ведь после революции «фактически Россия выполняет роль руководительницы всего мира пролетариев Запада и колониальных рабов Востока». Итак, пророчества Достоевского сбылись на большевиках, не исключая и кровавости революции: она, считает критик, тоже протекает по Достоевскому: «Конечно, этот сдвиг покупается страшной ценой, в страданиях и борениях. Но разве Достоевский предполагал, что призыв России к службе миру произойдет без греха и убийств, без голода, без мук? Нет, розовенькая, чистенькая революция показалась бы Достоевскому насмешкой над порывами и чаяниями восторженных душ» [Там же, с. 241-242]. Силясь породнить Достоевского с революцией, партийный критик не брезгует и христианской символикой: «если бы Достоевский воскрес, он, конечно, нашел бы достаточно правдивых и достаточно ярких красок, чтобы дать нам почувствовать всю необходимость совершаемого нами подвига и всю святость креста, который мы несем на своих плечах» [Там же, с. 242].

Справедливо будет заключить, что и Луначарский вместо объективного трезвого анализа стремится либо бросить тень на идеи Достоевского, либо заставить их служить собственной идеологии. Отсюда характерные для советской критики тезисы о «распаде его личности» и о том, что «одаренный *болезненной* гениальностью Достоевский» все-таки создал «литературные памятники», и они имеют «непреодолимое» значение, но – лишь как «исторический документ» [12, с. 445, 452].

Все же основной идеей, которой Луначарский пытается увязать свои столь разноплановые суждения, нужно признать идею о «многоголосности» Достоевского из цитированной выше статьи 1929 г. Идея весьма удобная: ведь с ее помощью из писателя можно выковать и революционера, и воинствующего безбожника (при всей его православности и антиреволюционности). Этим, по сути, и занят Луначарский, потому-то тезис о «неслыханной свободе “голосов”» требуется ему и в позднейших статьях. В 1931 г., синтезируя свои предыдущие работы, он проводит мысль, что Достоевский «соборностью душ <...> старается подменить когда-то сиявший ему, а потом отвергнутый им идеал социализма <...> Бог, православие, Христос <...> все это было крайне необходимо Достоевскому, ибо все это давало ему возможность не рвать окончательно своей внутренней связи с социалистической правдой...» [Там же, с. 442]. Материализм Достоевского убит не до конца, утверждает Луначарский, и подспудные удары этого «скованного титана» как раз и являются «ключом к пониманию многоголосности», «внутренней расщепленности сознания Достоевского» [Там же, с. 443-444].

Интересно, что в тезисе о «многоголосности» марксистский критик теснейше смыкается с критиком совсем иного, казалось бы, направления и наполнения – М. М. Бахтиным. В середине 1929 г. появляются бахтинские «Проблемы творчества Достоевского», где провозглашается мысль о *полифоничности* как главном свойстве художественного творчества писателя: «множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов...» [4, с. 12]. И в 1929 г. же Луначарский реагирует обширной статьей, где не только высоко возносит главную мысль Бахтина о полифонии-многоголосности, не только благодарен ему за классовый подход (творчество Достоевского Бахтин характеризовал с помощью понятия *родовых черт капитализма*), но и занят развитием бахтинской мысли, проводя тезис о «расщеплении сознания Достоевского, явившемся не менее важной причиной его “многоголосности”» [15, с. 422].

Вместе с тезисом о «полифоничности» Бахтин подчеркивал ту важнейшую роль, которую у Достоевского играют «идеи» [4, с. 57], опираясь, скорее всего, на Гроссмана, еще в 1925 г. утверждавшего, что «исходным пунктом в романе Достоевского является *идея*» [10, с. 17]. Однако от «владычествующих идей» романов [4, с. 70] Бахтин не перебрасывал моста к мировым идеям «Дневника писателя», и вот, вероятно, почему: в «Дневнике» присутствует мощное авторское «я», тогда как основной вывод Бахтина состоит в том, что

¹ Жирным курсивом приводятся выделения авторов цитируемых отрывков; обычным – курсив автора настоящей статьи. При последовательном цитировании отрывков, находящихся на одной или смежных страницах, ссылка дается в конце последней цитаты.

у Достоевского «авторского голоса, который монологически упорядочивал бы этот мир, нет» [Там же, с. 175]. Как следствие, Бахтин игнорирует «Дневник», а всю литературу о Достоевском обвиняет в том, что она «слишком непосредственный идеологический отклик на голоса его героев...» [3, с. 13].

Неприятие идеологического подхода к писателю не помешало позднему Бахтину тепло отзываться о цитированной выше статье Луначарского. Бахтин доволен, что Луначарский принял его концепцию, и обильно цитирует его статью [Там же, с. 41-43]. Взаимные похвалы двух столь разных достоевведов – свидетельство того, что Бахтин в основном своем подходе близок к марксистской критике. Исследователь и сам косвенно подтверждает это, давая высокую оценку работам Л. П. Гроссмана, Л. И. Шестова, Г. М. Фридендера, А. С. Долинина [5, с. 460-463]. Наконец, вряд ли случайно, что именно вмешательством М. Горького Бахтин избежал неминуемых Соловков, которые в итоге заменены высылкой его с супругой в Казахстан, где критик пишет статьи и работает бухгалтером [17, с. 13-14]. Думается, не последнюю роль сыграла при этом и высокая оценка, данная Бахтину Луначарским.

Но что же с «Дневником писателя»? Мог ли столь серьезный исследователь, как Бахтин, оставить без внимания то, что Н. Н. Страхов характеризовал как один из четырех крупнейших творческих взлетов Достоевского? [18, с. 185]. Причина «невнимания» Бахтина к «Дневнику» кроется в антипатии, которую вызывают у критика «монологические» идеи ввиду их ясновысказанности. Такие идеи, уверен Бахтин, лишь «идеи-прототипы» подлинных романских идей; они слишком поверхностны, и критик не считает нужным ими заниматься. С другой стороны, сложные идеи художественных произведений он тоже не намерен разбирать ввиду их «полифоничности». Устойчивой связи между идеями Достоевского-публициста и идеями Достоевского-романиста, по мнению Бахтина, не существует, поскольку в романах «идеи-прототипы <...> меняют форму своего бытия». Рассматривать те же самые идеи на новом месте нужно «совершенно так же, как и идеи Наполеона III в “Преступлении и наказании”, с которыми Достоевский-мыслитель был совершенно несогласен»; на худой конец, – как идеи, «с которыми Достоевский-мыслитель был отчасти согласен» [3, с. 104]. Если верить Бахтину, сам Достоевский не в ладах со своими идеями, и лишь в художественных произведениях, в отрыве от автора, идеи эти «освобождаются от своей монологической замкнутости и завершенности», получают настоящую «диалогизированную» жизнь [Там же, с. 104-105]. Кажется, взамен идеологии Бахтин предлагает полный релятивизм.

Предчувствуя опасность такого подхода, И. С. Аксаков еще в 1881 г., разбирая идеи «Дневника писателя», заявлял о тождестве Достоевского-идеолога и Достоевского-беллетриста («он *един* во всем разнообразии своих сочинений»); о том, что нельзя отделять этого «непостыдного исповедника имени Господня» от его художественных произведений, отделять идеал Достоевского, цель его стремлений – от его писательского творчества [1, с. 491-492].

Но для попадания в круг внимания Бахтина любая мысль должна непременно усложниться и полифонизироваться. Поэтому к рассмотрению публицистики Достоевского, с ее ясным кредо критик обращается лишь в своем позднем периоде и лишь в минимальной дозе, а главное – с обязательным приписыванием журнальным статьям все той же *полифоничности*, согласно которой у Достоевского-публициста «мысль пробирается через лабиринт голосов, полуголосов, чужих слов, чужих жестов. Он нигде не доказывает своих положений на материале других отвлеченных положений, не сочетает мыслей по предметному принципу» [3, с. 108]. Эти более чем спорные заявления – попытка набросить на публицистику Достоевского тот же флер загадочности и многоголосности, что и на беллетристику. Но дальше в «Дневник писателя» с таким методом проникать опасно, и Бахтин признает: «конечно, в публицистических статьях эта формирующая особенность идеологии Достоевского не может проявиться достаточно глубоко. Здесь это просто форма изложения. Монологизм мышления здесь, конечно, не преодолевается. Публицистика создает наименее благоприятные условия для этого» [Там же]. Напоследок критик попытался и вовсе принизить Достоевского-публициста с его «монологическим мышлением»: в рабочих тетрадях он характеризует «Дневник писателя» лишь как «поиски собственного (авторского) голоса» и уподобляет эти «поиски» стремлению карамазовского беса «воплотиться, стать определеннее, стать меньше, ограниченнее, глупее» [5, с. 411-412]. Намек на беса не нов и заимствован, скорее всего, у Д. С. Мережковского, который с помощью того же образа подвергал сомнению славянофильство Достоевского: «старался быть принятым за славянофильскую семипудовую купчиху, которая Богу свечки ставит...» [16, с. 304]. Но если выпад Мережковского не выделяется на общем недоброжелательном фоне статьи, то раздраженность Бахтина обращает на себя внимание. Это симптом некоего исследовательского тупика, невозможности уложить «Дневник» в *полифоническую схему* ввиду «монологизма», «ограниченности» и «оглушенности» этого произведения.

Однако именно бахтинский метод как ничто другое ограничивает и оглушает Достоевского: ведь Бахтин характеризует «Дневник» как схождение с метафизических высот к бытовой сатире, как поиск упрощенного голоса, а потому произведение, недостойное серьезного исследования: «Вступая в область журналистики Достоевского, мы наблюдаем резкое сужение горизонта, исчезает всемирность его романов...» [5, с. 436]. Итак, – заколдованный круг. Там, где идея ясна и автор налицо, Бахтин не готов к исследованию идеи ввиду ее излишней «кузости» и простоты; когда же идея попадает в роман и обретает, так сказать, полноценную *полифоническую жизнь*, – критик вновь не готов к исследованию, теперь уже в силу сложности, многоплановости идеи, незаметности в ней автора.

Правомерно возражал теории «полифоничности» Л. Аллен. Многообразие литературной речи, утверждал он, совершенно естественно в произведении, даже если таковое написано от первого лица; полифония вовсе

не означает отсутствия в произведении автора. По Бахтину же, не существует Достоевского – автора гениальных произведений: существует лишь «жизнь, просто “записанная” Достоевским, перенесенная им на бумагу такой, как она есть... В итоге Бахтин недооценил амбиции Достоевского-идеолога, Достоевского-мыслителя, предлагавшего – это просто бесспорно – свою картину мира, свое понимание “проклятых вопросов” бытия» [2, с. 15-19]. По мнению В. Е. Ветловской, над любимыми идеями, звучащими в произведении, всегда стоит еще более всеобъемлющая система воззрений, которая принадлежит автору, и «эта система не вмещается в тесные рамки “полифонической” концепции Бахтина...» [6, с. 408].

В чрезвычайно развигшемся ныне бахтиноведении звучит целая гамма оценок его духовного определения, в которой обращает на себя внимание факт, что на Западе у Бахтина есть немало *приверженцев-марксистов* [17, с. 49]. Вопрос отношений критика с марксизмом, таким образом, еще ждет своей глубокой разработки. Ждет – вопреки теории самого Бахтина, которая обесмысливает анализ философских и религиозных установок писателя.

Возвращение к классическим методам исследования в подобных случаях попросту необходимо: ведь первое же применение теории самим Бахтиным, в частности, распространение ее на многообразие писательских жанров (на публицистику Достоевского, великолепным знатоком которого является Бахтин), дает сбой, приводящий к невозможности осмысления, и, как результат, к пренебрежению важной составляющей творчества. Практика же таких бахтинских последователей, как Луначарский, еще резче высвечивает уровень нелепости, до которого может довести реально примененная к произведениям Достоевского «полифоничность».

Список литературы

1. Аксаков И. С. По поводу смерти Достоевского // Аксаков И. С. Полное собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Типография М. Г. Волчанинова, 1886. Т. 2. С. 487-494.
2. Аллен Луи Ф. М. Достоевский. Поэтика, мироощущение, богоискательство. СПб.: Logos, 1996. 171 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 2002. Т. 6. С. 5-300.
4. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. С. 5-175.
5. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 2002. Т. 6. С. 371-465.
6. Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». СПб.: Пушкинский Дом, 2007. 640 с.
7. Горький М. Доклад на первом всесоюзном съезде советских писателей // Ф. М. Достоевский в русской критике: сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 400-402.
8. Горький М. Заметки о мешанстве // Ф. М. Достоевский в русской критике: сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 386-389.
9. Горький М. О «карамазовщине» // Ф. М. Достоевский в русской критике: сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 389-393.
10. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского. М.: ГАХН, 1925. 192 с.
11. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1972-1990. Т. 22. 408 с.; Т. 25. 472 с.
12. Луначарский А. В. Достоевский как мыслитель и художник // Ф. М. Достоевский в русской критике: сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 435-453.
13. Луначарский А. В. Достоевский как художник и мыслитель // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881-1931 годов. М.: Книга, 1990. С. 234-242.
14. Луначарский А. В. О Достоевском // Ф. М. Достоевский в русской критике: сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 429-434.
15. Луначарский А. В. О «многоголосности» Достоевского // Ф. М. Достоевский в русской критике: сборник статей. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 403-428.
16. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 5-350.
17. Поштий С. Бахтин и христианство. Нови Сад: Академска књига, 2012. 136 с.
18. Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1883. С. 179-329.

M. BAKHTIN AND A. LUNACHARSKY ABOUT F. DOSTOYEVSKY'S PUBLICISM

Priima Ivan Fedorovich

Institute of the Russian Literature of the Russian Academy of Sciences

priima-ivan@yandex.ru

The article is devoted to the critical understanding of F. Dostoyevsky's publicism in the XX century, especially in such poorly examined period as the 1920s. The author focuses on the figures of M. Bakhtin and A. Lunacharsky, compares the approaches of the two critics, and puts them in the general context of F. Dostoyevsky's studies of the XIX-XX centuries. The close consideration of Bakhtin's views on Dostoyevsky-publicist reveals a previously not mentioned tendency in the interpretation of the writer's journalistic heritage, as well as enables to talk about the earliest successors of Bakhtin's theory of “polyphony”, whose connections with Bakhtin have not been analyzed yet.

Key words and phrases: Dostoyevsky; “Writer's Diary”; Bakhtin; Lunacharsky; polyphony.